

Доктор такой замечательный, разве можно судить о нём по наличию или отсутствию шерсти? Он любит Мо Ли, независимо от того, какой горы тот дух. Даже если гора лысая, или наполовину разрушенная, или просто холмик — всё равно!

Вообще, шерсть не так уж важна, чешуя тоже хороша.

Чёрная, блестящая, с красивым отливом... А если бы ещё и золотая, было бы совсем прекрасно.

Мэн Ци слегка отвлёкся.

Оба витали в облаках, когда сзади раздался окрик:

— Эй, вы в город собираетесь или нет? Стоите, дорогу перегораживаете! Два здоровых мужика, чего уставились друг на друга? Может, пропуска забыли?

Этот крик заставил всех вокруг обернуться.

Люди показывали пальцами и перешёптывались.

Если бы не то, что Мэн Ци с лица неплох, они бы уже стражу сигналили.

— Простите, мы с братом по делам вышли, заботы одолели, вот и задумались, — Мо Ли очнулся и, смущённо, поклонился во все стороны, специально извинившись перед тем, кто кричал, потом потянул Мэн Ци, чтобы продолжить стоять в очереди.

По закону, забывшего пропуск ждало наказание: отправка на родину, а в тяжких случаях — и тюрьма.

Пропуск, что был у Мэн Ци, Нин Чаньюань положил им, собирая вещи в дорогу.

Пропуска бывали разные. Самый простой — «такой-то из такой-то волости уезда такого-то направляется туда-то по таким-то делам» — с чётко указанными временем и местом. Но срок у пропуска был: от месяца до года-двух.

После установления династии Чу правила смягчили: разрешили торговым караванам ходить дальше и дольше задерживаться, добавили пропуска для студентов, отправляющихся в учебные поездки, и для врачей, практикующих в двух-трёх соседних уездах.

Получить такие пропуска было крайне сложно, в ямыне на год был лимит.

Для учебного пропуска требовалось звание сюоя. Для врачебного — поручительство ямыня и

местной знати. Получить такой пропуск было всё равно что получить вывеску знаменитого лекаря.

Господин Сюэ подделал для Мо Ли как раз учебный пропуск сроком на три года.

Нин Чаньюань же обычно делал пропуска для посещения родни — самые простые.

Придумал, куда едешь, взял пропуск — и вперёд. Хотя на месте прописки не будет, станешь нелегалом, но в стране и так давно смута: на севере бедствия, на юге войны, беженцы повсюду. Лишь бы человек был смиренный, работающий, местные примут — потом тридцать медяков заплатишь, и пропишутся.

Хотя контроль во все династии был строг, но привязаны к земле были лишь простолюдины.

Имея деньги на взятки в ямыне, пропуск раздобыть было нетрудно.

Мо Ли, ожидая в очереди, тихо спросил Мэн Ци:

— А у всех этих людей речного и озёрного мира есть пропуска?

— У тех школ, что имеют влияние на местах, свои способы. Остальные — воруют, отбирают или покупают.

Не успел Мэн Ци договорить, как увидел, как начальник ворот с подчинёнными допрашивает небольшой торговый караван.

— В пропуске у вас написано: из Ханьданиа в Вэйчэн за тканями. Как же вы в Тайцзин попали? Совсем не по пути! Эй, взять их!

Управляющий караваном принялся кланяться и умолять, а потом сунул горсть медяков.

— Цены в Вэйчэне взлетели, домой возвращаться — прибыли никакой, вот и в Тайцзин приехали продать. Господин начальник, будьте великодушны. Раньше-то мы так и делали...

— Раньше было раньше, а нынче государство Ци! Думаете, опять Чу настало? — начальник ворот потряс медяками в руке и сердито буркнул:

— Говорю вам, власти недавно указ выпустили: в Тайцзин опасные преступники пытаются проникнуть, контроль ужесточили. Вы ещё что ко мне попались, а то бы вас как сообщников схватили! Марш отсюда!

Люди караванные, по свету походившие, с полунамёка понимали.

Услышав это и увидев, как начальник губами в сторону тычет, с видом «пошевеливайся», сразу всё уяснили.

Поспешно поблагодарив, развернули обоз и пустились наутек.

— А вы! В пропуске у вас: Чэнь Мацзы, Ван Сыню и ещё шестнадцать человек товар в столицу везут. Чего ж вас семнадцатый?

— Э-это... мы его на дороге подобрали, с голоду помирал, только поесть просил...

Начальник ворот отмахнулся:

— Мне всё равно, откуда он. В город только шестнадцать человек! Или тоже сообщниками преступников записаться хотите?

Шестнадцать носильщиков испуганно замотали головами и бросили того, с кем познакомились в пути, войдя в город в одиночку.

Тот в растерянности замер на месте, и тут же подскочили стражники и поволокли его.

Мо Ли изменился в лице. Это был не боец речного и озёрного мира, а, скорее всего, беженец, сбежавший из Юна.

Те, у кого была тайцзинская прописка, предъявляли выданные при выезде разрешения и проходили без проблем.

Мо Ли отчётливо видел среди них двоих, похожих на бойцов речного и озёрного мира. Как они раздобыли разрешения? Неужто сейчас двое тайцзинцев за стенами застряли, назад вернуться не могут? Или их стражники уже в караулке придержали?

Мэн Ци вдруг вынул из поклажи бамбуковую шляпу и надел, а затем и на Мо Ли надел.

— Брат Мэн?

— Чувствую, гладко не будет, на всякий случай, — пояснил Мэн Ци.

Предчувствие скоро оправдалось. Когда подошла их очередь, Мэн Ци первым протянул пропуск.

Проверяющий стражник сначала велел ему снять шляпу, сверился с висящими у ворот портретами разыскиваемых — естественно, не совпало. Стражник на мгновение опешил, ослеплённый лицом Мэн Ци, и уже в полудрёме хотел вернуть пропуск, как начальник ворот шагнул вперёд.

— Вы из Тайцзина?

До этого начальник ворот, проверяя, кого попало не задерживал — лишь бы пропуск был.

Но теперь взгляд его стал острым, будто он пытался пронзить Мэн Ци насквозь, тело напряглось, ладонь легла на рукоять меча у правого бедра.

Мэн Ци, видя его позу, подумал: «Неужто этот начальник ворот — не простой стражник, а заранее подставленный цзиньивэй?» Он даже удивился: если дело с гробницей взволновало Лу Чжана — это ещё понятно, но неужели слухи о «бывшем государственном наставнике» из речного и озёрного мира тоже до него дошли?

Начальник ворот скользнул взглядом по пропуску, который стражник ему передал.

— Мэн Сюэвэнь из тайцзинского квартала Аньпин... Где это вы такой пропуск стянули?

— Это мой, — невозмутимо сказал Мэн Ци.

— Да неужто? Хотите, чтобы мы в Аньпине проверили, есть ли там Мэн Сюэвэнь? — грозно гаркнул начальник ворот.

Судя по тону, Мэн Ци решил, что этот человек вряд ли разыскивает «государственного наставника Мэн», иначе бы так не смел орать.

— По-моему, вы один из тех преступников, что недавно в столицу пробирались! — начальник ворот фыркнул. — Признавайтесь, вы кто такие? Из школы Цинчэн? Из школы Весенней Горы? Под носом у Сына Неба, а вы, речники, сметь безобразничать!

— Не понимаю, о чём вы. Я в Тайцзине постоянно проживаю, — Мэн Ци, желая выведать побольше, продолжал стоять на своём, утверждая, что он коренной тайцзинец.

Мо Ли и волновался, и находил ситуацию абсурдной.

Драконью жилу Тайцзина — и задержали у городских ворот?

— Врёте! В Тайцзине нет ни одного красавца, о котором бы мы не знали! Вы точно не

тайцзинец, разве что вы отродясь из города не выходили! Да и среди местных красавцев ни одного Мэна нет, и среди красавиц тоже! — начальник ворот торжествующе заявил. — Стало быть, пропуск этот точно не ваш!

Мо Ли: ...

Мэн Ци: ...

Нет, он выходил. Просто, возможно, не через ворота, а через стену перемахнул.

Или, может, выглядел на все восемьдесят?

[Авторское примечание: Начальник ворот действительно был просто начальником ворот, а не цзиньивэй. Дело не в том, что Нин Чаньюань плохо подделывает пропуска. ————— Нин Чаньюань: Красивое лицо — и на что оно? Только мешает!]

Даже если бы личность раскрыли, Мэн Ци не боялся, что его схватят.

— Мастер цигуна ещё боится, что не сбежит?

Он просто опешил, не ожидая, что «дурное предчувствие» сбудется вот так.

Мо Ли тоже слегка опешил.

Говорят, длина восточной и западной стен Тайцзина — три тысячи чжанов, а северной и южной — две тысячи шестьсот чжанов.

<http://bllate.org/book/15299/1351904>